

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАТО: НЕРЕАЛИЗОВАВШИЕСЯ И ПЕРСПЕКТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ

© 2023 г. Ф. О. Трунов^{а,*}

^аИнститут научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия

^{*}E-mail: Itrunov@mail.ru

Поступила в редакцию 01.06.2023 г.

После доработки 12.07.2023 г.

Принята к публикации 21.07.2023 г.

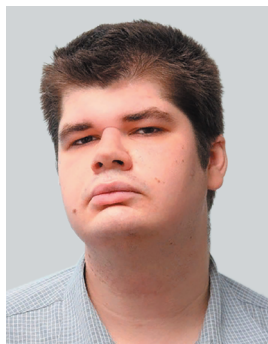
В 2014–2023 гг. НАТО вновь сосредоточилась на сдерживании влиятельных незападных оппонентов (РФ, КНР). Тем самым альянс вернулся к логике функционирования прошлой холодной войны. Вместе с тем усилилось стремление к глобализации деятельности блока — процесса, активизировавшегося уже с начала XXI в., но в новой географической конфигурации и формах. В статье предпринята попытка анализа этого процесса с опорой на положения теории альянсов и строительства вооружённых сил. Прослеживаются ход (с 2000-х годов) и причины неудачных попыток НАТО утвердиться в положении провайдера безопасности в конфликтогенных государствах Среднего и Ближнего Востока. Выбор новых векторов деятельности в отдалении от зоны ответственности альянса диктовался стремлением усилить эффективность сдерживания РФ и КНР, подчеркнуть дееспособность блока в условиях формирования нового миропорядка. Одним из направлений активности НАТО становится Арктика (с опорой на Норвегию), другим — Индо-Тихоокеанский регион (с углублением сотрудничества альянса прежде всего с Японией и Австралией). Рассматриваются уже предпринятые по линии блока политические и военные шаги, перспективы его деятельности.

Ключевые слова: Запад, Североатлантический альянс, США, европейские государства — члены НАТО, глобальное присутствие, Средний и Ближний Восток, конфронтация, сдерживание, Арктика, Норвегия, Индо-Тихоокеанский регион.

DOI: 10.31857/S0869587323100109, **EDN:** INIKHM

В последние два десятилетия блок НАТО оставался ключевым носителем многосторонней военной мощи коллективного Запада. Во внешнеполитическом планировании и деятельности Запада на протяжении 2013–2023 гг. роль альянса заметно возросла [1]. Это закономерно сопровождалось набиравшим скорость масштабным наращиванием военного потенциала, находив-

шегося (или зарезервированного под использование) в распоряжении НАТО [2]. Предпринимаемые меры нацелены главным образом на усиление системы сдерживания России. Тем самым Североатлантический блок, как механизм устраивания конфронтации Запада с его оппонентами, вновь вернулся к решению традиционной для себя основной задачи, но уже в качественно иных геополитических реалиях. Однако это отнюдь не означает, что альянс в обозримой перспективе готов ограничить свою заметно возросшую по масштабу военно-стратегическую активность лишь зоной ответственности¹. Такой сценарий едва ли возможен уже хотя бы потому, что либеральные демократии весьма чувствительны к формированию не-Запада как общности [3, с. 23, 24]. Прямое или опосредованное противодействие этому в различных регионах мира уже

ТРУНОВ Филипп Олегович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки ИНИОН РАН.

¹ Под зоной ответственности понимается совокупность территорий и территориальных вод государств — членов Североатлантического альянса.

неоднократно осуществлялось или как минимум декларировалось с использованием механизма блока. После окончания предыдущей холодной войны альянс в целом последовательно стремился расширить зону своей компетенции — как географически, так и функционально, тем самым пытаясь выступить в роли гаранта безопасности и стабильности. Так, с 1990-х годов НАТО позиционировала себя в такой роли в ходе формирования постъюгославского пространства, с начала XXI в. — в зонах вооружённых конфликтов на Среднем (в Афганистане) и Ближнем Востоке (в Ираке и Сирии).

Возникновение двух новых зон конфронтации — между Евро-Атлантическим сообществом и Россией, а также между США с растущей группой их партнёров и КНР — не привело к приостановке глобализации деятельности НАТО, однако заметно повлияло на видоизменение этого процесса. Функционально он стал развиваться во многом вширь: к числу сфер ответственности блока были отнесены кибер-, информационное и космическое пространства, вопросы экологии и энергетики, что было зафиксировано на Брюссельском саммите НАТО 2021 г. [4, с. 21–27]. Неблагоприятные для сохранения присутствия альянса изменения обстановки в Афганистане [5], Сирии [6, с. 153–162], Ираке в начале 2020-х годов поставили вопрос об эффективности усилий НАТО в области урегулирования вооружённых конфликтов и поиске географически новых направлений обеспечения глобальной субъектности.

Задача данной статьи, подготовленной с использованием положений теорий альянсов [7] и строительства вооружённых сил [8], — выявить возникающие в реалиях начала 2020-х годов географические направления активности альянса вне зоны ответственности и дать оценку итогам предшествующей деятельности в этой сфере. За рубежом и отечественным исследователям принадлежит большой корпус работ по вопросам участия НАТО в борьбе с угрозами нестабильности в конфликтных зонах Ближнего и Среднего Востока, прежде всего в Афганистане [9, 10]. Растущее, но пока ещё ограниченное внимание уделяется стратегиям деятельности альянса в средах и сферах, до конца 2010-х годов не относившихся к его компетенции (киберпространство [11] и космос, экология и энергетика [4]). В исследуемом — географическом — ракурсе новые направления изучались в основном применительно к деятельности конкретных государств — членов НАТО, но отнюдь не самого блока как структуры [см., например, 12]. Причём часто эти страны действовали без привлечения альянса или с сугубо точечным подключением организации [13, 14].

ПУТЬ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАТО В 2000–2010-Х ГОДАХ

В годы предшествующей конфронтации Запада и Востока возможности НАТО как блока практически не использовались вне зоны его ответственности в Европе. Как структура он не был вовлечён в военные конфликты с участием Франции (1946–1954), а затем США (1964–1973) в Индокитае, официального Парижа в Алжире (1954–1962), Лондона — за Фолклендские острова (1982), в проведение операции “Буря в пустыне” (1991). Это объяснялось консенсусом государств — членов НАТО в важнейшем для блока вопросе: необходимости предельной сфокусированности на сдерживании СССР и его государств-союзников по Организации Варшавского договора, особенно в Центральной Европе.

В ходе переговоров по решению германского вопроса (1990), ставших важной составляющей окончания конфронтации, президент США Дж. Буш-старший сформулировал тезис о восприятии НАТО как “якоря стабильности” [15, с. 472, 473], необходимости вовлечения альянса в борьбу с угрозами нестабильности, понимаемыми в географически широком контексте. На практике значимые шаги по выходу альянса за пределы зоны ответственности стали осуществляться после 1994 г. — времени завершения вывода Западной группы советских (российских) войск. Это событие воспринималось многими игроками Евро-Атлантического сообщества в качестве фактического завершения холодной войны [16, с. 596–602]. В середине и второй половине 1990-х годов механизм НАТО весьма активно использовался при формировании постъюгославского пространства. Дважды (в 1995 г. в Боснии и в 1999 г. в “малой” Югославии в связи с ситуацией в крае Косово) под эгидой альянса проводились военно-воздушные, то есть боевые (силовые) операции. По их завершении развёртывались крупные наземные миссии по миротворчеству и поддержанию мира (в Боснии в 2004 г. эта миссия перешла к силам ЕС); подобные миссии действовали и в Македонии в 2001–2003 гг. [17, р. 54, 63–73]. Опыт, наработанный на Балканах, был весьма положительно истолкован странами — участницами блока для перехода к полноценной глобализации его деятельности.

Не только причиной, но весьма удобным (хронологически и функционально) поводом стали акты мегатеррора 11 сентября 2001 г. Европейские государства — члены альянса продемонстрировали готовность к активации ст. 5 Вашингтонского договора (1949) для борьбы с международным терроризмом [17, р. 76]. Однако сами США изначально предпочли формат “коалиции желающих” как основы первой западной антитеррористической коалиции. Прежде всего речь шла о

проведении операции Enduring Freedom (“Несокрушимая свобода”). Здесь проявилась не столько традиция (неучастие НАТО в масштабных военных операциях с ведущим участием США вне Европы), сколько желание администрации Дж. Буша-младшего продемонстрировать способность создавать под свои интересы глобально оперирующие форматы. Задача по наделению НАТО глобальной субъектностью лишь несколько затенялась, но оставалась важной для европейских стран-участниц и самих США. Так, с момента запуска деятельности ISAF (Международные силы содействия безопасности) в Афганистане альянс подключился к их работе, а в августе 2003 г. официально принял на себя от ООН общее командование этими силами [18, S. 2, 3]. Среди прочего это решение было обусловлено стремлением стран — участниц НАТО преодолеть кризис доверия внутри альянса: в феврале—марте 2003 г. группа государств-членов во главе с Германией и Францией обозначила готовность заблокировать механизм альянса при проведении США и Великобританией военно-силовой операции против Ирака [19, с. 139]. Поэтому для её осуществления Белый дом уже вынужденно вновь обратился к формату “коалиции желающих”.

Кризис доверия продемонстрировал границы глобализации деятельности блока в военно-силовом отношении. Европейские государства-члены были готовы поддерживать проведение боевых операций под эгидой альянса в отдалении от его зоны ответственности лишь выборочно. В дальнейшем это подтвердили акции в Ливии в 2011 г. (в боевой операции не приняла участие ФРГ, ограниченное участие — сами США) и в Сирии в 2013 г. (кризис был урегулирован дипломатически, использование в нём сил под эгидой НАТО считалось маловероятным [20]). Достаточно быстротечные боевые операции 2003 г. в Ираке (с полноценной наземной составляющей) и 2011 г. в Ливии (военно-воздушная) привели к обрушению в обеих странах института центральной власти. Тем самым вместо повышения уровня стабильности был достигнут прямо противоположный эффект с неизбежным фактическим возложением части ответственности за это на саму НАТО, особенно в случае Ливии.

Заметные трудности с позиционированием блока как провайдера безопасности и стабильности возникали и в его деятельности по поддержанию мира, а также антитеррористической борьбе. В этом смысле ключевой страной на протяжении двух десятилетий (2001—2021) был Афганистан: на его территории с самым активным участием НАТО предпринимались масштабные и разноплановые попытки строительства национального государства [10, с. 216—220]. На пике (в начале 2010-х годов) здесь оказались задействованы контингенты, эквивалентные усиленной полевой ар-

мии, причём заметный вклад вносили не только США: численность контингента ФРГ составляла до 5 тыс. военнослужащих (по размеру это равно бригаде), а финансирование — свыше 1 млрд евро ежегодно [21, S. 3, 4]. В большинстве соответствующих административных единиц Афганистана были созданы провинциальные восстановительные команды (команды реконструкции провинций), ответственные за содействие воссозданию органов власти на местном уровне. В увязке с этим велась работа по реформе судебной системы, сектора безопасности, то есть формированию национальных вооружённых сил и полиции [10, с. 218—220; 17, р. 80—82].

От комбинированного использования войсковых контингентов с группами инструкторов и подразделениями спецназа в период деятельности ISAF (до 2014 г.) НАТО перешла к осуществлению лишь военно-тренировочной деятельности и применению сил специальных операций в ходе операции Resolute Support (“Решительная поддержка”) [22]. Смена миссий осуществлялась по заранее согласованному плану, но без должного учёта реалий ситуации в Афганистане. К середине 2010-х годов движение “Талибан”^{*2} не только не было разгромлено (гипотетическая возможность этого в самом начале 2000-х годов была упущена), но, напротив, восстановило потенциал и перешло к активным контрастатупальным действиям, постепенно осуществляемым уже на всю глубину территории страны. Правительственные войска и полиция без прямой поддержки со стороны личного состава миссии НАТО (а также частично действовавшей в национальном качестве группировки США) не были способны успешно противостоять натиску “Талибана”^{*}. Операция “Решительная поддержка” оказалась не способна переломить тенденцию.

На практике деградация ситуации воспринималась участниками альянса по-разному: так, Франция изначально воздержалась от участия в операции, Германия, принявшая в ней участие, постепенно наращивала усилия, а США от роста вклада в миссию перешли в середине президентства Д. Трампа к переговорам с “Талибаном”^{*}. Показательно, что они не только велись (с выходом на сделку 29 февраля 2020 г., предусматривавшую вывод войск в течение 14 месяцев), но и в основе своей осуществлялись США (уже при Дж. Байдене) в национальном качестве [5], то есть без предварительного согласования с большинством партнёров по НАТО и без встроенного участия альянса как структуры. Это объяснялось возражениями ряда европейских государств-членов (в частности, Германии и Италии) с демонстрацией их фактической зависимости от США в

² Здесь и далее символом * обозначены запрещённые в РФ организации.

собственно военном отношении — невозможно обеспечить своё присутствие в Афганистане без сохранения поддержки вооружённых сил Соединённых Штатов. Результатом стала вынужденная самоликвидация крупнейшей миссии НАТО по миротворчеству и поддержанию мира вне зоны ответственности (де-юре осуществлена к 1 сентября [22], де-факто к 1 июля 2021 г.) [5]).

В отличие от первой западной антитеррористической коалиции к деятельности второй (создана в сентябре 2014 г. по инициативе США для борьбы с “Исламским государством” (ИГ)* — на сирийско-иракском направлении — механизм НАТО был подключён достаточно длительное время спустя — де-юре с июля 2016 г., де-факто в 2017–2018 гг. В частичное подчинение НАТО оказались переданы прежде всего группы военных инструкторов, отвечавшие за обучение и переподготовку как бойцов пешмерга (курдские вооружённые формирования), так и войск центрального правительства Ирака на севере страны [23, S. 6, 7]. Иными словами, здесь блок решал задачи, схожие с теми, которые ставились в ходе “Решительной поддержки”, однако масштаб деятельности, географическая широта и, что не менее важно, степень институциональной завязанности на сам альянс в Ираке были существенно ниже. Не в пример Сирии, где ключевую роль в борьбе с международным терроризмом играл триумvirат западных игроков (Российская Федерация — правительство Сирийской Арабской Республики — Исламская Республика Иран), в Ираке именно страны — участницы НАТО вносили определяющий вклад в такого рода деятельность. Однако успехи здесь, в отличие от сирийского направления [6, с. 145–147], оказались намного скромнее: в конце 2010-х — начале 2020-х годов наблюдалось частичное восстановление потенциала и активности ИГ*, которое по мере утраты постоянного контроля над территориями вновь сосредоточилось на терактах и использовании повстанческих тактик. Это вело к заметному сужению окна возможностей для использования на иракском направлении НАТО и сохранения его долгосрочного присутствия в регионе.

РАМОЧНЫЕ КОНТУРЫ НОВЫХ СЦЕНАРИЕВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛЬЯНСА ВНЕ ЗОНЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Поиск новых направлений глобализации деятельности НАТО осуществлялся главным образом с учётом двух основных факторов: неудачного опыта исполнения роли провайдера стабильности на Среднем и Ближнем Востоке и выстраивания конфронтации с растущим числом западных держав. В соответствии с доктринальными установками блока, РФ вошла в список оппонен-

тов с 2014 г., КНР — с 2021 г. [24], включена в эту категорию и Исламская Республика Иран [1, р. 3–5]. Согласно принятой 28–30 июня 2022 г. стратегической концепции НАТО, совершенствование систем сдерживания России и Китая обозначались как приоритеты № 1 и 3 соответственно, между которыми расположилась задача по противодействию угрозам нестабильности, исходящей из конфликтогенных стран Востока и Африки [1, р. 3–5]. На практике Запад, особенно с середины 2010-х годов, на последнем направлении действовал с растущей вовлечённостью не столько Североатлантического альянса, сколько Европейского союза [26, с. 22–27].

Ещё до начала вынужденной специальной военной операции (СВО) РФ, а тем более на её фоне страны — участницы НАТО оказывали возрастающую по объёму и ударной мощи поставляемых вооружений и военной техники поддержку официальному Киеву. Вместе с тем, как минимум де-юре, обращение непосредственно к механизму Североатлантического альянса носило относительно ограниченный характер: согласование поставок наиболее значимых видов наземных (прежде всего танков) и воздушных вооружений (истребителей) осуществлялось прежде всего в рамках формата “Рамштайн” [26, р. 8, 35–37] (назван в честь одноимённой крупнейшей военной базы США в ФРГ). На практике ключевые решения прорабатывались и согласовывались с самым активным участием аппарата альянса [26, р. 4]. Обращение к неофициальным форматам вне его объяснялось стремлением стран-участниц снизить риск инициирования прямого, то есть горячего конфликта с РФ при вовлечённости блока.

Указанная активность в подконтрольных официально Киеву районах Украины сочетается с совершенствованием сдерживания РФ внутри зоны ответственности НАТО. Здесь очень большая нагрузка не только де-факто, но и де-юре ложится на сам альянс: в 2014–2016 гг. были увеличены находившиеся в его подчинении силы быстрого реагирования [27], в 2017 г. созданы и затем также существенно увеличены, особенно с 2022 г., силы передового развёртывания [28]. Согласно решениям Мадридского саммита НАТО, прошедшего 28–30 июня 2022 г., в распоряжение блока были переданы или зарезервированы под использование 800 тыс. военнослужащих из состава вооружённых сил государств-членов, в том числе 300 тыс. — со сроком развёртывания в пределах одного месяца. Приверженность этой формуле, причём с подчёркиванием успехов её реализации на практике, была подтверждена на Вильнюсском саммите НАТО 11–12 июля 2023 г. [29]. Столь огромные силы и средства потенциально

позволяют блоку не только наращивать систему сдерживания РФ, но вернуться к оперированию на глобальном уровне [2].

Вместе с тем существовал ряд “узких мест”. Ключевое из них — резкое опережение по скорости увеличения группировок НАТО по сравнению с наращиванием национальных вооружённых сил как таковых [30, р. 12; 2, 27, 28]. Иными словами, многие обязательства, начиная с комплектования войсковых механизмов в Восточной Европе, принимались государствами-членами в реальности “на вырост”, в кратко- и отчасти среднесрочной перспективе ограничивая возможности по использованию вооружённых сил, в том числе под эгидой НАТО, на других направлениях. В наибольшей мере это положение относилось к сухопутным войскам [27, 28], в меньшей — ВВС и особенно ВМС. Соответственно, именно два последних вида войск прежде всего могли быть использованы на новых направлениях глобальной деятельности НАТО. Одновременно выбор её географических векторов должен был отвечать логике главной для блока задачи — усилению (ужесточению) системы сдерживания РФ и КНР. Притом для достижения быстрее и большего результата желательной была опора на расположенные в соответствующих регионах страны — участницы НАТО или государства из числа либеральных демократий, не входивших в альянс. Всем указанным критериям в наиболее полной мере отвечали два направления — арктическое и дальневосточное.

АРКТИКА КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАТО

В период предшествующей холодной войны фокус внимания НАТО был существенно сильнее обращён на центральное направление (в данном случае — ФРГ и сдерживание присутствия СССР в ГДР). Так, в Норвегии не было постоянного союзнического присутствия [31, р. 5–14], а группа армий альянса “Север” отвечала не за скандинавское направление, а за прикрытие северной части ФРГ. Силы стран — участниц НАТО (в частности, группы кораблей 6-го оперативного флота США) появлялись в Норвежском и Гренландском морях на временной основе — обычно на время учений. По сути, отсутствовала единая стратегия стран — участниц блока в отношении Арктики. Такое положение, причём даже со снижением имевшейся активности, оставалось неизменным вплоть до середины 2010-х годов.

С 2017 г. США развернули подразделения морской пехоты (330 военных) в самой северной губернии Норвегии Финнмарк, в 2018 г. удвоив состав до 700 человек [32]. Их несколько выпадавший из логики вывод в 2020 г., объяснявшийся во

многом стилем внешней политики Д. Трампа³, уже в 2021–2022 гг. сменился соглашением о доступе вооружённых сил США на ряд норвежских военных баз, в том числе две (ВМС и ВВС) в Финнмарке [33]. В 2018 г. в Центральной Норвегии были проведены самые крупные за десятилетие 2014–2023 гг. учения НАТО Trident Juncture 18 — с задействованием 50 тыс. военнослужащих [34]. В 2022 г. в Северной Норвегии (Тромсё-ог-Финнмарк) проводились манёвры Cold Response 22 (“Холодный ответ 22”) с привлечением 30 тыс. военнослужащих [35]. Как следует из данных сайта НАТО, скандинавское, точнее норвежское, направление являлось ключевым в деле проведения крупнейших (свыше 15 тыс. военнослужащих, эквивалент дивизии) учений последнего десятилетия: из 6 одинарных и спаренных⁴ здесь были проведены 3. К этому следует добавить манёвры шведских войск Auriga 17 и Auriga 23, проводившиеся в национальном качестве, но с растущей вовлечённостью стран — участниц НАТО и тем самым демонстрацией готовности вступить в альянс [36], что было де-юре закреплено в 2022 г.

О чём свидетельствовала эта тенденция? США и европейские государства — члены НАТО обратили повышенное внимание на северный фланг передовой части зоны ответственности сразу после того, как был запущен процесс усиления сил быстрого реагирования альянса (второй стратегический эшелон) и стали создаваться силы передового развёртывания в северном субрегионе Восточной Европы (первый эшелон) — в странах Балтии и Польше [28]. В Норвегии появления многонациональной боевой группы (и тем более групп) сил передового развёртывания не последовало по той причине, что официальный Осло не стал обозначать такой просьбы на уровне НАТО, как и в годы предшествующей холодной войны. Вместо этого сами США инициировали развёртывание собственных сил в Северной Норвегии [32, 33] — на сопредельной с РФ территории, одновременно обращённой в сторону морей Северного Ледовитого океана, тем самым усиливая систему сдерживания России и одновременно перенимая опыт официального Осло в деле развития арктических войск.

Протяжённость сухопутной⁵ границы Норвегии с Россией (195,7 км) существенно меньше,

³ Речь идёт о гиперболизированном с точки зрения форм стремлении 45-го президента США подчеркнуть отсутствие какой-либо зависимости от партнёров по НАТО и, напротив, их зависимость от США. К числу причин свёртывания присутствия в Норвегии следует отнести уровень её военных расходов (ниже 2% ВВП) [29, р. 8] и заметную активизацию диалога с ФРГ — основным объектом критики со стороны 45-го президента США внутри Евро-Атлантического сообщества.

⁴ Двое (реже более) учений, проводимых как единое целое.

⁵ С учётом границы по озёрам и рекам, но без морских рубежей.

чем у Польши и стран Балтии вместе взятых (1065,6 км). К тому же надо иметь в виду, что природно-климатические условия на Крайнем Севере и в Восточной Европе резко различаются по своей суровости. Иными словами, гипотетическая “российская угроза” для Норвегии должна была восприниматься намного менее остро, чем для стран Балтии. Подтверждение тому — отсутствие запроса официального Осло на размещение у себя сил передового развёртывания блока. В этой связи объяснением парадокса — избрания Норвегии центром проведения крупнейших учений НАТО — служит её восприятие в качестве плацдарма для стратегического проникновения блока как структуры в Северный Ледовитый океан.

Чем обусловлен выбор Норвегии для решения таких задач? Она весьма удобный партнёр не только для европейских стран (Великобритании, Германии), но и США. Белый дом в принципе не был готов допустить использования Аляски — своей территории — в качестве такого плацдарма. Значимым стал и фактор относительной слабости арктических войск США, что диссонировало с мощью их военной машины в целом. Стратегическому укреплению Соединённых Штатов в Северном Ледовитом океане (не в пример остальной повестке, в особенности сдерживанию России) мешали серьёзные раздражители, препятствовавшие сотрудничеству с Канадой (из-за вопроса об интернационализации её Северо-Западного прохода) и Данией (после открытой постановки США вопроса о приобретении принадлежавшего ей о. Гренландия в августе 2019 г. [37] — в данном случае Д. Трамп стал выразителем интересов весьма широкой части истеблишмента). Отсутствие подобных “узких мест” в отношениях с Норвегией делало её желанным стратегическим союзником США, что показали их просьбы о войсковом присутствии на севере страны (2017–2020) [32], а затем о соглашении о совместном использовании баз здесь же (2021 г.; ратифицировано в 2022 г.) [33].

При этом действия США в сугубо национальном качестве сочетались с масштабной стратегической активностью НАТО в регионе, предполагающей вклад европейских стран — участниц альянса. Включение в состав блока Финляндии (де-юре состоялось 4 апреля 2023 г., в очередную годовщину подписания Вашингтонского договора 1949 г.) привело к резкому расширению границ зоны ответственности НАТО (что вынуждает Россию выделять дополнительные силы и средства на оборону) и тем самым нацелено на замедление темпов военно-стратегического усиления Северного флота РФ [38]. Де-факто потерявшие свой условно нейтральный статус Швеция и Финляндия должны обеспечить прикрытие Норвегии как основного плацдарма для стратегического проникновения в Арктику, играя в этом

процессе скорее вспомогательную роль. В нём прослеживаются три основные составляющие.

1. Создание мощного отрезка системы сдерживания РФ в губернии Финнмарк (отработка в ходе учений Cold Response 22 [35], Joint Viking 23 [39]) с весьма вероятным интегрированием в него северных районов Швеции и особенно Финляндии (иллюстрация тому — становящиеся ежегодными учения Arctic Challenge [40]).

2. Выстраивание системы прикрытия протяжённого побережья (прежде всего на отрезке Тронхейм—Тромсё) с портами и аэродромами как трамплина для стратегического проникновения альянса в Северный Ледовитый океан. Отработка занятия сухопутной прибрежной зоны с выдвижением из глубины крупных общевойсковых резервов в виде сил быстрого реагирования НАТО осуществлена в ходе учений Trident Juncture 18 [34].

3. Оперирование в акваториях Норвежского и Гренландского морей. Условные границы использования группировок ВМС, прежде всего постоянных морских групп НАТО, поддерживаемых ВВС, постепенно смещаются на север и северо-восток, с перспективой распространения в дальнейшем на Баренцево море и центральные просторы Северного Ледовитого океана. Примерами этого служили военно-морская и отчасти военно-воздушная составляющая учений Trident Juncture 18 [34], а также манёвры ВМС Joint Warrior 23 (последние проводились уже под руководством Великобритании в качестве единого целого с Joint Viking 23 [41]).

Ключевую роль в стратегическом проникновении НАТО в Северный Ледовитый океан будут играть не корветы и минные тральщики, которыми комплектуются данные группы, а фрегаты — основной класс океанских кораблей XXI в., а также более крупные корабли, в том числе авианосцы 6-го оперативного флота США [42, р. 30]. Кроме того, востребованным окажется использование и подводных лодок, в том числе дизельных. Для всех групп кораблей важной будет поддержка авиации, морской пехоты (как на кораблях, так и развёрнутой в Финнмарке, в перспективе и на Шпицбергене) и подразделений сил специальных операций. Помимо США и самой Норвегии, заметную роль во всех этих процессах будут играть Германия и Великобритания. В Арктике не только в настоящем, но и будущем следует ожидать активного использования сил НАТО, что позволяет аккумулировать ресурсы США и европейских партнёров, чётко показать их совместную готовность.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОТЕНЦИАЛА НАТО НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Как уже было сказано, во второй половине XX в. политика США в Европе была нацелена на многостороннее сотрудничество под эгидой НАТО. На Дальнем Востоке предпочтение отдавалось либо двусторонним обязательствам, прежде всего в отношениях с Японией и Южной Кореей, либо союзам с ограниченным числом государств-членов, в основном с участием англосаксонских стран. Это положение сохранялось не только в 1990-е — начале 2010-х годов, но и по мере выстраивания системы сдерживания КНР на Дальнем Востоке с середины 2010-х годов. На данном направлении, не в пример Арктике, более сложным оказалось полноценное вовлечение в конфронтацию европейских либеральных демократий, без чего в принципе не мог быть поднят вопрос об использовании в противостоянии сил НАТО. Трудность заключалась не только и, главное, не столько в географической удалённости: обращение за помощью продемонстрировало бы уязвимость США, их зависимость от европейских партнёров, то есть могла быть поставлена под сомнение их роль как ведущего игрока на мировой арене.

Европейские государства — члены НАТО в военном отношении были нацелены на сдерживание России. Большинство континентальных стран-участниц, за исключением Франции, не располагали сколько-нибудь существенными стратегическими позициями в Индо-Тихоокеанском регионе. Наконец, весьма значимым оказался фактор наличия разветвлённых взаимовыгодных торгово-хозяйственных отношений между европейскими либеральными демократиями и КНР [см., например, 43].

Администрация Б. Обамы поздних лет его президентства в принципе не ставила вопрос о подключении европейских участников альянса к сдерживанию КНР. На первый взгляд, противоречивая ситуация сложилась в годы президентства Д. Трампа. При нём, как никогда ранее на международной арене, США стремились избежать демонстрации любых симптомов своей зависимости от европейских партнёров. Соответственно, Белый дом в конце 2010-х годов не проявлял интереса к присутствию НАТО в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), однако де-факто обеспечивалась возможность стимулирования европейских стран — участниц блока к этому. Именно при 45-м президенте США стартовала, а при Дж. Байдене была последовательно продолжена линия на совершенствование системы военно-политического взаимодействия, в том числе неформального, с направляющей ролью США и весьма ограниченным составом государств-чле-

нов. Помимо Вашингтона роль ядра здесь играли и другие англосаксонские страны — Австралия и Великобритания. Первым шагом стала активизация использования QUAD — четырёхстороннего диалога по безопасности (Австралия, Индия, США, Япония) с конца 2010-х годов, однако результаты оказались ограниченными. Это объяснялось неготовностью официального Нью-Дели полноценно участвовать в системе сдерживания РФ: Индия имела с Россией разветвлённые и достаточные доверительные отношения, в том числе в политической сфере (пример тому — сотрудничество на полях БРИКС и ШОС) и в области военно-технического сотрудничества.

Следующими шагами США и группы англосаксонских стран в целом стало создание блоков AUKUS (Австралия, Великобритания, США) 15 сентября 2021 г. и Blue Pacific Alliance (Partners in the Blue Pacific; указанный триумвират игроков, а также Новая Зеландия и Япония) 24 июня 2022 г. Даты создания обоих показательны: механизм AUKUS был учреждён вскоре после Брюссельского саммита НАТО 14 июня 2021 г., когда КНР впервые на доктринальном уровне была обозначена как угроза для альянса [24], а Blue Pacific Alliance — накануне Мадридского саммита блока 28–30 июня 2022 г., когда была принята новая стратегическая концепция с фиксированием рисков от “китайской угрозы” [1, р. 3–5].

Возникавшие форматы не просто усиливали систему сдерживания КНР, но и решали задачу стимулирования европейских государств — партнёров НАТО к более активному вовлечению в данный процесс. Роль ИТР заметно возросла как в торгово-хозяйственном, так и в политическом и военном отношении на глобальном уровне. Это не могло не вызывать усиливавшегося интереса со стороны указанных государств к стратегическому проникновению в регион. Так, Германия предпринимает соответствующие усилия с начала 2020-х годов [14]. Процесс военно-стратегического проникновения НАТО в ИТР осуществлялся не в вакууме, но с опорой на поддержку региональных игроков — Японии и Австралии, в меньшей степени Сингапура и Южной Кореи. Официальные Токио и особенно Канберра, активно участвуя в сдерживании Китая, демонстрировали готовность к сотрудничеству (в частности, доступ к базам на своей территории) с европейскими странами-участницами, полноценно подключившимися к противодействию КНР, а также РФ и КНДР на Дальнем Востоке.

На фоне интенсификации совместных учений Сил самообороны Японии и вооружённых сил отдельных стран — участниц НАТО, в частности, Германии, в конце января 2023 г. генеральный секретарь НАТО совершил визит в Токио [44]. А 5 апреля 2023 г. он в Брюсселе провёл перегово-

ры с делегациями Австралии, Новой Зеландии, Южной Кореи и Японии, что де-юре стало важной вехой в их сближении с НАТО [45]. Символично, что эти переговоры были организованы уже на следующий день после вступления в НАТО Финляндии, то есть укрепления позиций альянса на Севере. На саммите альянса в Вильнюсе 11–12 июля 2023 г. вновь была подчеркнута важность углубления практического сотрудничества блока с Австралией, Новой Зеландией, Южной Кореей и особенно Японией [29].

Что касается группы дальневосточных игроков, то речь вряд ли шла о прямом расширении блока за их счёт (как минимум в среднесрочной перспективе): скорее, ставилась цель согласовать формы возможного присутствия НАТО в ИТР — прежде всего с опорой на официальные Токио и Канберру. Как и в случае Арктики, имеется в виду развёртывание оперативных военно-морских групп, составленных в основном из фрегатов, а также сил ВМС. Наиболее вероятные зоны их появления — к западу от Японских островов во взаимодействии и с частичным подключением кораблей 7-го оперативного флота США. Учреждение военно-морских миссий НАТО возможно уже в ближней и особенно среднесрочной перспективе, принимая во внимание старт консультаций на уровне штабных структур североатлантического альянса и Японии [46].

* * *

В современных условиях использование и развитие блока НАТО — это гибрид целеполаганий, характерных, с одной стороны, для конфронтации Запад–Восток во время “холодной войны”, с другой — периода 1990-х — начала 2010-х годов. Североатлантический альянс вернулся к политике сдерживания влиятельных незападных держав, прежде всего России, сохранив стремление к глобализации своей деятельности. Показательна в этой связи схема, зафиксированная в п. 5 многостороннего заявления государств — членов альянса по итогам Вильнюсского саммита 11–12 июля 2023 г.: в один ряд были поставлены “российская угроза” (как классическая для блока) и международный терроризм — как ключевая неклассическая [29]. Один из лейтмотивов — стремление подчеркнуть сам факт готовности НАТО не только к сдерживанию России, но и обеспечению глобального, в отдалении от зоны ответственности блока, стратегического присутствия в контексте борьбы с группировками международного терроризма. Вместе с тем на практике, с точки зрения объёма выделяемых ресурсов, последняя задача может вернуться в число основных не ранее чем в среднесрочной перспективе. Альянс будет продолжать искать пути укрепления позиций на Ближнем Востоке, а также в Африке, где его ис-

пользование (кроме ливийской кампании 2011 г.) до начала 2020-х годов было практически нулевым. Однако, как представляется, и к середине текущего десятилетия эти попытки [47] будут всё ещё несоизмеримо слабее, чем осуществляемые на Дальнем Востоке и особенно в Арктике.

Североатлантический альянс, его государства-члены продемонстрировали неспособность вырабатывать успешную схему урегулирования вооружённых конфликтов, включая меры по борьбе с международным терроризмом и реформу сектора безопасности любой страны, пытающейся перейти на путь стабильного и мирного развития.

В то же время, в отличие от 1990-х — 2010-х годов, сейчас наблюдается тревожная тенденция — формирование как минимум двух основных направлений глобализации в деятельности НАТО — в Северном Ледовитом океане и в Индо-Тихоокеанском регионе. Не в пример прошлому опыту усиленный акцент будет сделан на использование не сухопутных сил, а ВМС (в меньшей степени ВВС), что обеспечит военно-морским державам, особенно США, серьёзные преимущества. Соответственно, основные усилия будут сосредоточены не на территории зон вооружённых конфликтов, а непосредственно в самих океанах (Северный Ледовитый и Тихий), их морях с опорой на профильные (военно-морские, военно-воздушные) базы стран — участниц НАТО и их партнёров. Тем самым новые направления глобализации в деятельности альянса позволят и географически и функционально резко расширить системы сдерживания РФ и КНР, повышая градус конфронтации. Особенно чувствительными для России и Китая могут оказаться военно-стратегические меры под эгидой НАТО в восточной части Норвежского и Баренцевого морях, севернее их, а также в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

ЛИТЕРАТУРА

1. NATO 2022 strategic concept. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022. Brussels: NATO HQ, 2022.
2. New NATO Force Model. 8.07.2022. https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf
3. Братерский М.В. Истоки новой холодной войны: Основные черты системного конфликта XXI века // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 15–31. <https://doi.org/10.31249/ape/2020.01.01>
4. Данилов Д.А. Глобальные горизонты атлантического Альянса: “вакцина” Байдена // Современная Европа. 2021. № 5. С. 19–31. <https://doi.org/10.15211/soveurope520211931>
5. Бубнова Н.И. Вывод американских войск из Афганистана и политика Вашингтона: что пошло не так? // Россия и современный мир. 2022. № 3.

- С. 72–93.
<https://doi.org/10.31249/rsm/2022.03.05>
6. *Манойло А.В.* Конфликт в Сирии и внешняя политика России // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 2. С. 145–172.
<https://doi.org/10.31249/ape/2020.02.06>
 7. *Истомин И.А.* Управление обязательствами в асимметричных альянсах // Международные процессы. 2021. № 1. С. 26–55.
<https://doi.org/10.17994/IT.2021.19.1.64.1>
 8. *Останков В.И.* Успешное решение проблем строительства Вооружённых Сил – важнейшее условие обеспечения национальной безопасности // Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке: сборник научных статей под ред. ген.-полк. Ю.Н. Балуюевского. М.: ЦВСИ, 2004. С. 210–226.
 9. *Auerswald D., Saideman St.* NATO in Afghanistan: Fighting Together, Fighting Alone. Princeton: Princeton University, 2014.
 10. *Новикова О.Н.* Четвёртая афганская война Великобритании // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 213–233.
<https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.09>
 11. *Манойло А.В.* Современные стратегии кибербезопасности и киберобороны НАТО // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 3. С. 160–184.
<https://doi.org/10.31249/ape/2020.03.08>
 12. *Кучинская М.Е.* Арктика в фокусе внимания США и НАТО и интересы безопасности России // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1. С. 68–89.
 13. *Коньшев В.Н., Сергунин А.А.* Современная военная стратегия Норвегии в Арктике и безопасность России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. № 2. С. 353–368.
<https://doi.org/10.24891/ni.13.2.353>
 14. *Арзаманова Т.В.* Отдельные аспекты стратегического планирования Германии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях возвращения соперничества великих держав // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 258–284.
<https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.11>
 15. Из второй беседы М.С. Горбачёва с Дж. Бушем. Вашингтон, Белый дом, 31 мая 1990 года // Михаил Горбачёв и германский вопрос. Сборник документов. М.: Горбачёв-фонд, 2006.
 16. *Родович Ю.В.* 1990 и 1994 годы – важнейшие вехи на пути к расширению НАТО на восток // Via in Tempore. История. Политология. 2022. № 3. С. 595–604.
<https://doi.org/10.52575/2687-0967-2022-49-3-595-604>
 17. The Bundeswehr on operations. Berlin: Federal ministry of defence, 2009.
 18. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung und Erweiterung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz einer Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan. Deutscher Bundestag, 15. Wahlperiode. Drucksache 15/1700, 15.10.2003.
 19. *Белинский А.В., Никуличев Ю.В.* “Американские горки”: эволюция отношений между США и ФРГ в 1989–2019 гг. // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 4. С. 135–157.
 20. Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel in der vereinbarten Debatte: Zur Situation in Deutschland vor dem Deutschen Bundestag 3.09.2013.
<https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/rede-von-bundeskanzlerin-dr-angela-merkel-794298>
 21. Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz der Internationalen Sicherheitsunterstützungstruppe in Afghanistan. Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. Drucksache 17/4402, 13.01.2011.
 22. Resolute Support Mission in Afghanistan (2015–2021). 2022. https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_113694.htm
 23. Antrag der Bundesregierung. Einsatz bewaffneter deutscher Streitkräfte zur nachhaltigen Bekämpfung des IS-Terrors und zur umfassenden Stabilisierung Iraks. Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/1093, 07.03.2018.
 24. Brussels Summit Communiqué. 14.06.2021.
https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm
 25. *Арзаманова Т.В.* Европейская оборона: пазл со многими неизвестными // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 21–52.
<https://doi.org/10.31249/ape/2020.04.02>
 26. *Mills C.* Military assistance to Ukraine since the Russian invasion. London: House of Commons Library, 2023.
 27. NATO Response Force. 2022. https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm
 28. NATO’s military presence in the east of the Alliance. 2022. https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm
 29. Vilnius Summit Communiqué. 11.07.2023.
https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm?selectedLocale=en
 30. Defence expenditure of NATO countries (2014–2022). Communiqué PR/CP (2022) 105. Brussels: NATO Public Diplomacy Division, 2022.
 31. Norwegian Armed Forces in transition. Strategic Defence Review by the Norwegian minister of Defence. Oslo: Ministry of Defence, 2015.
 32. US to double number of Marines in Norway amid Russia tensions. 12.06.2018. <https://edition.cnn.com/2018/06/12/politics/us-marines-norway-russia-tensions/index.html>
 33. New Norway – USA Defense Agreement Allows Extensive US Authority in the North. 8.06.2022.
<https://www.highnorthnews.com/en/new-norway-usa-defense-agreement-allows-extensive-us-authority-north>
 34. Trident Juncture 2018. <https://www.nato.int/cps/en/natohq/157833.htm>
 35. Cold Response 2022. 2022. <https://www.forsvaret.no/en/exercises-and-operations/exercises/cr22>
 36. Defence exercise Aurora 23. 2023. <https://www.forsvarsmakten.se/en/activities/exercises/aurora-23/>
 37. Trump confirms he is considering attempt to buy Greenland. 18.08.2019. <https://www.theguardian.com/>

- world/2019/aug/18/trump-considering-buying-greenland
38. Группировки в новых регионах и сроки реформы. Шойгу провёл совещание по увеличению армии. 17.01.2023. <https://tass.ru/armiya-i-opk/16815499>
 39. Joint Viking 2023. <https://www.forsvaret.no/en/exercises-and-operations/exercises/jv23>
 40. Finland to begin exercise Arctic Challenge with allies and partner Sweden. 25.05.2023. <https://ac.nato.int/archive/2023/finland-to-begin-exercise-arctic-challenge-with-allies-and-partner-sweden>
 41. NATO Ships Take Part in Exercise Joint Warrior 23-1. 15.03.2023. <https://mc.nato.int/media-centre/news/2023/nato-ships-take-part-in-exercise-joint-warrior-231>
 42. Paul M. Arktische Seewege. Berlin: Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit SWP, 2020.
 43. Зарицкий Б.Е. Германия—Китай: партнёры, конкуренты или системные соперники? // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 2. С. 16–28.
 44. Secretary General in Tokyo: no NATO partner is closer or more capable than Japan. 31.01.2023. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_211272.htm?selectedLocale=en
 45. Statement of the NATO Secretary General with representatives of Australia, New Zealand, Japan and South Korea. 5.04.2023. https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_213474.htm?selectedLocale=en
 46. NATO military delegation heads to Japan for staff talks. 3.05.2022. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_214295.htm?selectedLocale=en
 47. NATO strengthens its partnership with Mauritania. 25.06.2021. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185516.htm?selectedLocale=en

THE GLOBALIZATION OF NATO ACTIVITIES: UNIMPLEMENTED AND PROMISING SCENARIOS

Ph. O. Trunov^{1, #}

¹*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

[#]*E-mail: Itrunov@mail.ru*

During the decade 2014–2023 NATO has again focused on the containment of powerful non-Western powers (Russia and also China). It means that the Alliance has returned to the logic of functioning and development of the past Cold War. At the same time NATO has intensified its desire for globalization of activities, but in a different geographical configuration and forms then they were at the beginning of XXIst century. The article tries to explore the process of the globalization of the Alliance activities, uses the theory of armed forces' building and the theory of alliances. The author issues the dynamics and the results of unsuccessful NATO's attempts to become the security provider for unstable states in the Middle and Near East (since 2000-s). The choice of new directions of NATO activities outside the Alliance's area of responsibility was reasoned by the need to increase the effectiveness of the "deterrence" of Russia, "containment" of China, emphasizing the Alliance's viability in the situation when the new world order has started to form. The new directions of the NATO's usage at the global level are becoming the Arctic (basing on the cooperation with Norway as the Alliance's member state) and Indo-Pacific region (the key track is the deepening cooperation with Japan and Australia). The scientific paper explores political and military steps of NATO and concludes about the perspectives of NATO activities in both regions.

Keywords: The West, North Atlantic Alliance, the USA, European member states, global presence, the Near and Middle East, confrontation, deterrence, Arctic, Norway, Indo-Pacific region.